

в какой-то мере и от той цивилизации, бремя которой уже не в силах были нести массы.

Границы империи долгое время оставались открытыми, вести крупное хозяйство стало почти невозможно. Система простасии рухнула, и из-за отсутствия патронов патронируемые общины стали свободными. Укрепление хозяйственной деятельности крестьян теперь все больше становилось реальным. Свободная митрокомия стала основой сельского хозяйства — ценой значительного упадка городов. Даже в Константинополе долгое время не могли отремонтировать водопровод. Создается впечатление, что византийское общество второй половины VII в. поражено каким-то культурно-политическим шоком.

Сопrotивление народных масс завоевателям стихийно привело к организации фемного строя, при котором крестьянин сделался воином, а крестьянское хозяйство — материальной основой армии. Состоятельный крестьянин, став стратиготом, превратился в привилегированное лицо.

В идеологической жизни Византии страшный удар по авторитету империи заставил церковь и правительство усилить охрану чистоты христианского учения, особенно когда христианство столкнулось с исламом.

Ненависть же к культуре господствующих классов нашла свое классическое выражение в движении павликиан, которые считали творением дьявола все атрибуты богатства, всю культуру, основанную на гнете трудящихся. Протест против церковных сокровищ (*tes sacrae*) и внешний, обрядовой красоты мы видим и в иконоборчестве. Для «оздоровления» общества того времени считали необходимым уменьшить число лиц непроизводственных профессий. Это нашло свое выражение и в закрытии иконоборцами патриаршей школы, и в борьбе с бродячим монашеством, и в мероприятиях иконоборцев против монахов, и в сокращении монастырей, и в стремлении Феодора Студита превратить монастыри в трудовые коммуны.

Кроме того, обострилась борьба за чистоту учения. Обе стороны — иконоборцы и иконопочитатели — одинаково считали свое вероучение последовательно-православным.

Когда крестьянство в период преобладания свободной общины окрепло (в Константинополе наблюдалось даже изобилие продуктов питания, привозимых из деревни), когда стала развиваться новая провинциальная знать, отрицание павликианами античной культуры казалось уже экстремизмом, который только заставил иконоборцев капитулировать перед городской знатью, сохранившей традиции античной культуры. Эпоха иконоборчества носила двойственный характер: с одной стороны, это темные века, когда ослабло внимание к достижениям античного мира; с другой стороны, это время плодотворного воздействия восточных влияний. Разгром Византии арабами, создание ими мощного халифата подорвали самомнение византийцев — началось использование восточной культуры, тем более что сирийское и александрийское ремесло арабами не было уничтожено, а продолжало развиваться, обогащаясь благодаря прямым связям с Восточной Азией, — откуда были заимствованы как новые виды производства (бумага), так и ряд достижений науки (цифры).

В условиях иконоборчества декоративное искусство как бы заполняло создавшийся вакуум. Ислам, не допуская скульптуры и ограничивавший живопись миниатюрами в книгах, определял прикладной характер искусства. Но подобное отрицание античного наследия с его антропоморфизмом не могло иметь успеха в Византии. Византийское искусство лишь в одном сделало уступку иконоборцам — оно отказалось от скульптуры, что в дальнейшем затруднило победу реализма в византийском искусстве. Скульптура холодна, дает меньше эмоций; со своей реально выраженной пространственностью она почти несовместима с мистикой, которая после победы иконопочитания все глубже проникала в Византию, отставшую